

ВЕЛИКОТЪРНОВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

**VI МЕЖДУНАРОДЕН СТУДЕНТСКИ И УЧЕНИЧЕСКИ КОНКУРС ПО ПРЕВОД
„ТРАНСФОРМАЦИИ 2021“**

РУСКИ ЕЗИК – рубрика „Поезия“

ПО ШИРОКИМ МОСТАМ...

Георгий Адамович

По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем,
Этот ветер мешает, ведь мы заблудились в пути,
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица.
Окна призрачно светятся. Стынет дыханье в груди.
Отчего мне так страшно? Иль, может быть, все это снится,
Ничего нет в прошедшем и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то.
Будто скошены ноги, я больше бежать не могу.
О, еще б хоть минуту! Но щелкнул курок пистолета.
Не могу... Все потеряно... Темная кровь на снегу.

Тишина, тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

РУСКИ ЕЗИК – рубрика „Проза“

АВИАТОР

(отрывок из романа)

Евгений Водолазкин

Вчера весь день составлял в уме план статьи. Шло легко, без всякой натуги. Я ведь художник – художник, а не историк. Мне не важна последовательность событий, меня волнует единственно факт их существования. Пункты плана записываю без всякой логики, по мере припоминания.

Не было новых вещей – все ходили в старом. Был даже в этом какой-то шик – *трудное время*, любимая *фраза* той поры. Трудное время умеи переживать: донашивай прежнее, а нового не надевай – даже если есть. Донашивали вдохновенно.

Газеты не продавались, а наклеивались на углах домов. Группы трудящихся их читали. Сближало.

Тайная торговля провизией. Открыто торговать запрещалось.

Вода не доходила до верхних этажей. Там воду запасали в ваннах. Набирали ванны до краев, а сами мылись в тазах.

Еще об одежде: все ходили мятые, потому что в холодное время спали не раздеваясь.

Лампы чаще всего не горели, электричество давали на пару часов в день. Делали керосиновые светильники.

Зимой замерзали сливные трубы. Туалетом не пользовались, ходили в дворовые нужники – чаще всего с ночными горшками, чтобы опорожнить. А нужники-то не во всяком дворе были.

Трамваи – редкость, приходилось ходить пешком. Уж если появлялись, то были набиты битком.

Необычное зрелище: зимой нет дыма из труб. Топить было нечем. Разбирали деревянные строения на дрова. Двери межкомнатные распиливали. Анастасия как-то болела, я одолжил у дворника 50 поленьев, потом месяц ломал голову, как вернуть. Пришлось в счет дров отдать ему серебряную солонку – еще бабушкину. Было жалко.

Карточки. Сахарные, хлебные. По трудовой карточке я приобрел себе калоши.

Долгие часы за керосином в Петрокоммуне.

Лепешки из картофельных очисток. Морковный или березовый чай. Еще о еде: на углу Большой Морской и Невского долго лежала павшая лошадь, из крупа был вырезан кусок мяса.

Самые ходовые подарки 1919 года: сургуч, бумага, перья, карандаши. Я подарил Анастасии банку патоки.

Пытаюсь воссоздать тот мир, который ушел навсегда, а получают только жалкие осколки. И еще такое чувство – не знаю, как правильно его выразить... Вот мы в тогдашнем мире были разными, чужими, часто – врагами, но сейчас посмотришь – в чем-то, получается, и своими. Было у нас общее время, а это, оказывается, очень много. Оно делало нас причастными друг другу. Мне страшно оттого, что нынче все мне чужие. Все, кроме Анастасии и Гейгера. Своих только два человека, а раньше – весь мир.